

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.1

Особенности коммуникативно-прагматической адаптации экзотизмов в историческом дискурсе

© С. В. Иванова

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
Россия, 196605 г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10.*

Email: s.ivanova@lengu.ru

Объект настоящего исследования составляют экзотизмы, то есть слова, заимствованные из чужой культуры и представляющие инокультурный знак. Предметом исследования является коммуникативно-прагматическая адаптация экзотизмов в корпусе текстов, репрезентирующих дискурс истории. Коммуникативно-прагматическая адаптация предполагает процесс введения в текст экзотизма и поясняющего комментария к нему. В статье рассматриваются способы введения экзотизмов в тексты, репрезентирующие исторический дискурс, а также функции и эффекты коммуникативно-прагматической адаптации. Среди выделенных функций (номинативная, когнитивная, экспрессивная, эстетическая, оценочная) в плане прагматики особо выделяется оценочная функция, благодаря которой продуцент текста получает возможность ввести оценку (в основном, косвенную), реализовав таким образом общекультурную модальность. Одним из важнейших эффектов является интердискурсивность, которая проявляется в открытости дискурса и его интеграции с другими типами дискурса (политического, академического, персонального). Актуальность настоящего исследования обусловлена обращением к дискурсивной, лингвокультурологической и аксиологической проблематике. Дискурсивный ракурс позволяет сосредоточиться на описании дискурсивных практик и отчетливо проявляющейся интердискурсивности. В лингвокультурологическом плане исследование обращается к идее общекультурной модальности и способам ее передачи. Аксиологический разворот осуществляется через изучение способов введения оценочности в тексты, составляющие исторический дискурс. Кроме того, настоящее исследование небезынтересно для переводоведов и действующих переводчиков, поскольку в нем уточняются функции экзотизмов в их взаимодействии с концептуальной информацией текста, что влияет на выбор способа перевода экзотизмов. В исследовании задействованы лингвистические методы культурного комментария, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, дистрибутивный анализ. Материал исследования почерпнут из книг по истории России англоязычных авторов, а также использованы тексты сопровождения культурных событий.

Ключевые слова: *экзотизм, дискурс, дискурсивная практика, интердискурсивность, прагматика, коммуникативно-прагматическая адаптация, оценочность.*

Введение

Конец XX века для лингвистики ознаменовался несколькими значимыми событиями, которые изначально определили и по сей день направляют исследовательский вектор современного языкознания. Прежде всего, в результате того, что главенствующим во второй половине XX века был признан принцип антропоцентризма, именно человек стал мерой всех вещей в лингвистических исследованиях. В рамках антропоцентризма лингвистика сделала ряд важных поворотов. Во-первых, речь идет о дискурсивном повороте, который открыл двери для

лингво-ориентированного исследования социально-значимых факторов, способствующих рождению и дальнейшему развертыванию дискурса – самоорганизующейся системы, рождающейся на пограничье мысли, языка и экстралингвистической реальности [27]. Во-вторых, с введением субъекта, порождающего речь, точкой, в которой сошлись интересы исследователей, представителей различных парадигм, стала прагматика – та область, в которой соединились ситуация коммуникации, адресат и адресант, их роли и цели, интенция и воздействие [2, с. 389–390]. Соответственно, появились все признаки прагматического поворота, не только наметившегося, но устойчиво закрепившегося в исследовательской практике и повернувшего современное языкознание к «человеку говорящему» (термин [30]) и телеологичности коммуникации. «Язык и жизнь» и «языковое выражение жизни» [3] из декларации превратились в реальные объекты исследования.

Два обозначенных выше поворота позволили лингвистам ставить вопросы, касающиеся речевой практики и многих процессов, которые разворачиваются в ней. Одним из таких важных показателей стал прагматический аспект используемых языковых знаков разной уровневой принадлежности. Наличие прагматического фильтра, который выражается в учете взаимодействия плана выражения, плана содержания и отношения к ним со стороны адресата и адресанта [26], было отмечено, прежде всего, в переводоведении. Термин «прагматическая адаптация» [14, 15] использовался и другим отечественным классиком переводоведения – В. Н. Комиссаровым, а вслед за ним прочно закрепился в работах по переводоведению (см. [8, с. 403–405; 20, с. 332–333; 21, с. 164–166]). При некоторых незначительных расхождениях прагматическая адаптация в переводе предполагает «приведение текста в такую форму, которая максимально облегчает его восприятие и способствует оказанию соответствующего коммуникативного эффекта» [21, с. 164].

Ярким примером того, как работает прагматический фильтр является текст, сопровождающий экспозицию в одном из таллинских музеев: в англоязычной версии текста-сопровождения используется единица *Soviet occupation*, в то время как в русскоязычной версии она меняется на *советское время*. Наряду с этим подвергаются трансформациям и некоторые другие элементы языковой формы: *The context makes Mikkel's collection exceptional: it was assembled in Estonia during the time of Soviet occupation when the prevalent ideology valued the formation of the new society built on the ashes of the old one, and when collectivity was favoured over private property / Особенность коллекции Миккеля состоит в ее культурном и историческом контексте: она была собрана в Эстонии в советское время, когда доминировала идеология создания нового общества, а частной собственности предпочиталась коллективная*¹.

Сравнение двух текстов свидетельствует, что авторы учитывали особенности аудитории, ее целевые установки и познавательные тезаурусы: русскоязычная и англоязычная аудитории получили тексты, адаптированные под их картины мира. Есть очевидные различия не только в выборе лексических единиц, но и в общей структуризации мысли. По существу, в данном случае можно говорить о коммуникативно-прагматической адаптации, которую следует понимать как процесс приспособления текста под систему коммуникативных установок и пресуппозиций адресата и/или адресанта. Данный процесс выражается в выборе тех языковых единиц, которые наилучшим образом соответствуют интенции адресанта донести до адресата свою

¹ Англоязычный текст сопровождения выставки Миккеля в Художественном музее Эстонии и его перевод на русский язык воспроизведены точно и полностью. – С. В. И.

мысль, с одной стороны, и, с другой, отражают особенности картины мира последнего. Неоспорим и воздействующий эффект выбора того или иного плана выражения.

Целью настоящей работы является раскрытие особенностей коммуникативно-прагматической адаптации слов-экзотизмов в текстах исторического дискурса. Исторический дискурс, понимаемый как «рефлексивная форма научной коммуникации, связанная с актуализацией содержания исторического сознания, есть производная различных смысловых схем исторической действительности как результата производства исторического знания» [17, с. 94]. Слова-экзотизмы определяются как «слова, используемые для описания жизни других народов», они заимствованы из чужих языков, составляют безэквивалентную лексику и обозначают свойственные чужим народам и странам реалии, не столько раскрывающие чужую культуру, сколько символизирующие ее [9, с. 463]. В соответствии с целью работы интерес представляют (1) те креативные решения, посредством которых продуцент текста вводит слова чужой культуры в исторические тексты, а также (2) эффекты, которых достигает адресант в результате этих креативных решений. Таким образом, в статье будет показано, как вводятся в текст слова чужой культуры и что в результате происходит с передаваемыми им смыслами.

Поставленные таким образом задачи связаны с тем фактом, что в большинстве переводоведческих работ функции включения экзотизмов сводятся к передаче лингвокультурной специфики, т.н. национальному колориту, а также к экспрессии или к экзотизации текста [5, с. 54]. Однако наблюдения над экзотизмами и их функционированием в тексте и дискурсе позволяют внести коррективы в устоявшееся стереотипное понимание и описание их роли.

Лексемы-экзотизмы рассматриваются нами в рамках исторического дискурса, который уже становился объектом отдельного рассмотрения в лингвистических исследованиях. Так, в [24] акцент был прежде всего поставлен на моделировании образа врага, на лингвистическом аспекте реализации категории «свой – чужой» (см. также рецензию [16]). В работе [19] были подвергнуты анализу типологические особенности исторического дискурса, а также коммуникативные стратегии, характеризующие данный дискурс. Результаты сопряженного изучения политического и исторического дискурсов представлены в статье [18]. Культурологически маркированная лексика также привлекала внимание исследователей: в ряде исследований были выявлены функции культуронимов в политическом дискурсе [11, 13], а также специфика использования ксенонимов (вербальных знаков иной культуры), направленных на демонизацию политического противника [12]. В настоящей работе анализ сосредоточен исключительно на словах-экзотизмах, то есть словах, заимствованных из иной лингвокультуры, и прагматической специфике их использования в рамках исторического дискурса. Исследованию предпослана гипотеза, согласно которой функционал экзотизмов обусловлен не только их способностью к воссозданию реалий чужой лингвокультуры, что логично вытекает из их природы (предназначения и значения), но и особенностями дискурса как того вербального продукта, в рамках которого они функционируют.

Методы и материал исследования

Для достижения поставленной цели в процессе исследования были задействованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения, генерализации и классификации. Наряду с общенаучными (анализ, синтез, классификация) при работе с эмпирическим материалом используются лингвистические методы. Для установления зарегистрированного словарем значения лексических единиц применяется дефиниционный анализ. Контекстуальный анализ

направлен на выявление тех изменений, которые претерпевает план содержания в рамках текста. При этом контекст понимается как «совокупность социокультурных факторов, значимых для адекватного извлечения смыслов при интерпретации текстовой структуры» [23, с. 83]. Использование такого исследовательского приема, как культурный комментарий, продиктовано необходимостью актуализации культурной коннотации. Работа с текстом и его информацией связана с разграничением и дальнейшим анализом содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации по И. Р. Гальперину [7, с. 26–50].

В качестве материала исследования используются книги, написанные англоязычными авторами, по истории России. Данный выбор эмпирического материала обусловлен двумя факторами. Как известно, «история наполняет время человеческой жизни смыслом» [16, с. 288]. Лингвистический анализ может способствовать экспликации этих смыслов и обнаружению позиций, ценностей, которые характеризуют не только и не столько историческое прошлое, сколько настоящий момент. Кроме того, исторические тексты представляют интерес с лингвокультурологической точки зрения, поскольку содержат культурно-маркированную лексику, связанную с особенностями жизни, быта и менталитета того или иного народа. Несомненный интерес представляют механизмы включения подобных единиц в текст. Для анализа были использованы следующие издания: Ascher, Abraham. *Russia. A Short History*. Oxford: Oneworld, 2002. XIII, 265 p.; Figes, Orlando. *Revolutionary Russia. 1891–1991. A History*. New York: Metropolitan Books, Henry Holt and Company, 2014. 324 p.; Gessen, Masha. *The Man without a Face. The Unlikely Rise of Vladimir Putin*. New York: Riverhead Books, 2012. 314 p.; LeVine, Steve. *Putin's Labyrinth. Spies, Murder, and the Dark Heart of the New Russia*. New York: Random House, 2008. XXIV, 194 p.; MacKinnon, Mark. *The New Cold War. Revolutions, Rigged Elections and Pipeline Politics in the Former Soviet Union*. New York: Carrol & Graf Publishers, 2007. XVII, 313 p.; Sebestyen, Victor. *Revolution 1989. The Fall of the Soviet Empire*. New York: Pantheon Books, 2009. XXI, 451 p.; Senn, Alfred Erich. *Power, Politics, and the Olympic Games. USA: Human Kinetics*, 1999. XX, 313 p.; Smith, Douglas. *Rasputin*. Macmillan, 2016. XXVI, 817 p.; Treisman, Daniel. *The Return. Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev*. New York, London, Toronto, Sydney: Free Press, 2011. XI, 523 p.

Результаты исследования

Вся проанализированная литература представляет собой работы по истории, что позволяет считать их репрезентантами исторического дискурса. Совершенно естественно, что при описании истории другой страны и чужой культуры авторы не могут не использовать экзотизмы, то есть слова, «которые обозначают реалии быта и общественной жизни, специфичные для какого-то народа, страны или местности» [1, с. 181]. При первом же знакомстве с историческим текстом читатель обращает внимание на транслитерированную номинацию, которая служит для введения в пространство текста чужеродных культурологически маркированных языковых единиц. Благодаря этим словам автору удается создать иллюзию нахождения в иной лингво-семиотической системе. Порою такого рода экзотизмы, не имея ни объяснения, ни комментария, просто вкрапляются в англоязычный текст, по сути, вторгаясь в чужое лингвокультурное пространство:

(1) *Eavesdropping, spying and informing were all rampant in the **kommunalka** of the 1930s, when people were encouraged to be vigilant* (Figes: 179).

(2) *Dmitry knew the **Okhrana** was reading his mail, and he hoped these words would reach the emperor* (Smith: 661).

Можно только предположить, что автор исходит из того, что читатель знаком со специфической страной, об истории которой написана книга, и потому слова-реалии не сопровождаются комментарием. Однако такого рода случаи весьма нечасты: они составляют не более 10% встретившихся примеров.

Гораздо больший интерес представляют экзотизмы, которые сопровождаются комментарием автора. В этом плане внимания заслуживает коммуникативно-прагматическая адаптация, то есть система объяснений, которыми историки сопровождают используемые чужеродные культурологически маркированные лексические единицы:

(3) *Right there on the Tarmac he danced the **lezginka**, the traditional folk dance of Chechnya and much of the Caucasus region* (Triesman: 289).

(4) *Many went native, adopting Caucasian dress – **the burka** (a sleeveless felt cloak), and **papakha** (lamb skin hat)* (Triesman: 265).

(5) *The novel soon began to circulate in **samizdat** (illegally printed copies)* (Figs, 255).

(6) *...dissident authors... turned to **samizdat** (self-publishing)* (Ascher, 214).

(7) The prime movers were a former and a present head of the **KGB** (security police), A. Shelepin and V. Semichastny (Ascher: 212).

(8) *He refused to join the collective farm – **the kolkhoz** – and a **kangaroo court** sent him to Siberia to cut trees* (Sebestyen: 114).

(9) *She was a journalism student at **Moscow State University**, the Harvard of the Soviet Union...* (LeVine: 106).

В большинстве случаев коммуникативно-прагматическая адаптация экзотизмов производится путем краткого дополняющего текст объяснения (примеры 5, 7, 8) или развернутого комментария (пример 4) к экзотической единице, а порою автор ниспосылает и то и другое, либо использует нулевой культурный знак, прибегая к эквиваленту из своей собственной лингвокультуры (пример 8: *kangaroo court* дефинируется как (1): a mock court in which the principles of law and justice are disregarded or perverted; (2): a court characterized by irresponsible, unauthorized, or irregular status or procedures [31]) либо же уподобляет чужое фактам собственной культуры посредством сравнения или метафоры (пример 9). Обязательность такого рода комментариев продиктована тем, что они позволяют объяснить знаки чужой лингвокультуры, для которых нет эквивалента в языке рассказчика.

Обращают на себя внимание примеры (5) и (6). В обоих из них фигурирует слово *samizdat*, но, как видно из приведенных примеров, каждый автор объясняет лексическую единицу по-своему, акцентируя смыслы, соответствующие или необходимые для передачи концептуальной информации текста: в примере 5 подчеркивается нелегальный статус издания, а объяснение в примере 6 подчеркивает лишь самостоятельный характер печатного издания. Соответственно, правомерно сделать вывод о том, что дело состоит не только в передаче колорита, но и в соотношении экзотической лексики и сопровождающего ее текста с концептуальной информацией текста и теми прагматическими смыслами, которыми автор хочет «нагрузить» экзотическое слово. Налицо результаты коммуникативно-прагматической адаптации, учитывающей коммуникативные цели адресанта и когнитивный тезаурус адресата.

Небезынтересно, что экзотизм может появиться как непосредственно в самом тексте (пример 3), так и в комментарии к тексту – в скобках, как в примере (10), или в приложении (через тире), как в примере (8):

(10) *To cope with the problems of supply an “economy of favors” operated through formal networks (a system known as “**blat**”)* (Figs: 179).

Порою транслитерированное слово неожиданно «врывается» в чужое лингвокультурное текстовое пространство, создавая эффект аксиологической несовместимости. Подобная инкорпорированность в текст чужого лингвокультурного знака лишь подчеркивает явную нетождественность планов содержания своей и чужой лексем:

(11) *Stalin approved of an elaborate campaign that has been called a 'symbolic celebration' of him as the "party's new **vozhd**" (leader) (Ascher: 180).*

(12) *He was a typical **apparatchik** (party functionary) with a gift for remaining in the good graces of his superiors (Ascher: 213).*

Нельзя не заметить, что иногда авторы помещают в текст переводческий эквивалент, который дополнительно к относительному эквиваленту сопровождается пространственным комментарием (пример 12). Комментарий дает возможность автору не только предоставить культурную информацию по описываемому явлению, но и поместить это явление на оценочной шкале, соотносящейся с аксиологической картиной мира автора, с его ценностными установками. Эта оценочность может быть имплицирована и эксплицирована. Так, в примере (12) в комментарии нет ни одной единицы, которая бы содержала оценку в денотативном или коннотативном компоненте значения. В данном случае оценочность вытекает из общего смысла высказывания: человек, который имеет особый дар всегда быть в милости у вышестоящих, обычно далек от образцов морали. Таким образом за счет комментария реализуется то, что И. В. Зыкова именует общекультурной модальностью, которая отвечает за умозрительное размещение жизненных явлений на шкале добра и зла [10, с. 328].

(13) *In 1985–6 he [Gorbachev] talked only of a "quickenings" of the economy (**uskorenie**), an echo of the Andropov approach to tightening discipline and raising productivity which fitted with the ban on alcohol (Figs: 275).*

Наряду с непрямой оценкой (примеры 11 и 12), используется то, что, на первый взгляд, можно считать эксплицитной оценкой (пример 14).

(14) *Scores of thousands of better-off peasants, the derided **kulaks** who owned smallholdings, were driven off the land or killed (Sebestyen: 114).*

Экзотизм *kulaks* имеет в качестве определения отпричастное прилагательное *derided*, которое содержит оценку в денотативном компоненте значения (*deride*, согласно Оксфордскому словарю, означает *to treat somebody/something as silly and not worth considering seriously* [32]). Однако в примере (14) наблюдается довольно интересное явление: оценка дается от противоположного. Автор противопоставляет свою оценку (*better-off*) и оценку тех, чужих (*derided*), которые сгоняли с земли или убивали мелкоземельных владельцев. В аксиологической системе координат автора сгоняемые с земель или подвергавшиеся физической расправе люди заслуживают сочувствия. В данном случае представлена своего рода перевернутая оценочная шкала. Очевидно, оценочность зависит не столько от самого явления, описываемого при помощи экзотизма и сопровождающего его комментария, сколько от аксиологической картины и ценностных установок продуцента текста.

Еще один вариант введения оценки может быть связан со сложившимися стереотипами о чужой культуре и закрепившимися оценками:

(14) *...while the **MGB** (the forerunner of the KGB) was placed in charge of counter-intelligence and espionage... (Figs: 238).*

(15) *...the same Russian "bear" – possibly the **FSB**, the main successor to the Soviet Union's KGB – had previously nosed around in the unclassified computer networks (Vick: 36).*

Лексическая единица *KGB* широко известна англоязычному читателю, соответственно, автору нет настоящей необходимости ее комментировать или объяснять (хотя в ближайшем контексте автор для верности все же использует фразовый глагол с отрицательной коннотацией *nose around* = to search around for something, often by examining other people's affairs [29, с. 399]). Более того, лексема *KGB* маркируется бесспорно отрицательным знаком оценки в сознании англоязычного читателя, о чем свидетельствует словарная статья в [28].

Таким образом, в большинстве случаев коммуникативно-прагматическая адаптация экзотизмов в историческом дискурсе реализуется за счет введения лексемы, именующей реалию, в сопровождение комментария. Характер комментария может быть нейтрален, как того требует беспристрастное описание истории в рамках исторического или академического дискурса, а может служить выражению оценочности в соответствии с прагматической установкой автора. При этом содержательная часть комментария также имеет прагматическую подоплеку, поскольку зависит от концептуально-содержательной информации текста или позиции автора по тому или иному вопросу.

Обсуждение результатов исследования

Проведенное исследование дает основания для подведения итогов, касающихся функций вербальных знаков иной культуры в историческом дискурсе. Прежде всего, что совершенно логично и очевидно, реализуется их номинативная функция, то есть функция именованности чужеродного явления (примеры 3–9). Она сопряжена, прежде всего, с функцией когнитивной, иными словами, функцией познавательной, связанной с объяснением и познанием истории, что вытекает из самой природы исторического дискурса как представления об исторической реальности.

Вместе с тем авторы порою делают все, чтобы читатель почувствовал так называемый «языковой вкус эпохи» (метафора В. Г. Верещагина [4]). Соответственно, речь в данном случае идет о выполнении словами-экзотизмами эстетической функции, которая может быть, к примеру, связана с ритмическим рисунком текста (пример 16):

(16) *Siberia has long been synonymous with suffering owing to the untold thousands of prisoners sent there by the tsars and later commissars, whether into exile – ssylka – or the much harsher regime of katorga – penal servitude* (Smith: 11).

Не исключается в ряде случаев функция экспрессивная (11).

Однако наряду с упомянутыми функциями использование экзотизма и сопровождающего его комментария облегчает автору возможность введения оценки того или иного исторического явления (функция оценивания). При этом оценка может быть выражена прямо или косвенно. Прямое выражение оценки не частотно. Как показывает эмпирический материал, более характерной для исторического дискурса, который должен быть непредвзятым описанием исторических событий, является непрямая оценка. Непрямая оценка вводится посредством знаков своей культуры, которые служат эталоном сравнения (примеры 8, 9), знаков чужой культуры, которые стали стереотипами с закрепившейся оценкой (примеры 15). Наряду с этим, возможна реализация нескольких функций.

Кроме этого, еще одним эффектом коммуникативно-прагматической адаптации является реализующаяся интердискурсивность – совмещение дискурсивных практик различных типов дискурса. В данном случае можно говорить, что исторический дискурс инкорпорирует дискурсивные практики политического дискурса, а также дискурса академического и дискурса персонального. Знаки чужой лингвокультуры способствуют созданию ангажированного текста и

выполнению прагматической функции, которая заключается в выражении отношения автора к тому, о чем он пишет, в донесении автором своей точки зрения, когда знак чужой лингвокультуры в виде свернутого текста становится своего рода драйвером, обеспечивающим необходимую, но не подкрепленную фактами и доводами аргументацию. В результате исторический дискурс приобретает черты политического дискурса, в котором агональность доминирует над аргументацией [25, с. 65–71]. Вместе с тем когнитивный потенциал экзотизмов способствует реализации академического дискурса. Выражаемая оценочность облегчает введение личной точки зрения автора и, соответственно, позволяет эксплуатировать в историческом дискурсе тактики персональной коммуникации.

Заключение

Использование знаков чужой лингвокультуры, не имеющих эквивалентов, предполагает, что говорящий должен каким-то образом ввести их в свою речь, объяснив их или дав соответствующий комментарий, иначе нарушаются известные принципы кооперации Грайса и речь превращается в кроссворд для слушающего. Таким образом, с одной стороны, введение так называемых экзотизмов в текст предполагает дополнительные коммуникативные усилия. С другой стороны, прагматический эффект от их использования порою намного перевешивает неудобства их введения. Большая притягательность этих знаков, в которых переплавляется этическое, эстетическое и когнитивное, связана с их статусом лингвокультурных знаков, то есть с той ценностной информацией, которая совмещена со значением данных языковых единиц. Кроме этого, увеличению прагматического потенциала служит тот или иной дискурс с его прагматическими и социальными характеристиками. Все это вместе взятое лежит в основе коммуникативно-прагматической полифункциональности экзотизмов в историческом дискурсе.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210589).

Литература

1. Алексеева И. С. *Введение в переводоведение*. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2004.
2. Арутюнова Н. Д. Прагматика // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 389–390.
3. Балли Ш. *Язык и жизнь*. М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. Верещагин В. Г. *Языковой вкус эпохи*. СПб.: Златоуст, 1999.
5. Влахов С. И., Флорин С. П. *Непереводимое в переводе*. М.: Р. Валент, 2006.
6. Воронцова Т. И., Георгинова Н. Ю. К уточнению понятий «дискурс» и «интердискурсивность» // *Studia Linguistica антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения. XXI*. СПб.: Политехника-сервис, 2012. URL: https://www.herzen.spb.ru/img/files/in yaz/EnglishLanguageDep/Publikacii/Studiya_VoroncovaT.I.2012.pdf.
7. Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. М.: Едиториал УРСС, 2005.
8. Гарбовский Н. К. *Теория перевода*. М.: Изд-во Моск. гос. университета, 2004.
9. Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов и понятий*. Изд. 6-е. Назрань: Пилигрим, 2016.
10. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
11. Иванова С. В. Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США) // *Политическая лингвистика*. 2017. №1(61). С. 41–52.
12. Иванова С. В. Дискурсивные практики информационной войны: роль ксенонимов в создании эффекта демонизации // *Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике. Сборник научных трудов: в 2-х томах* / Отв. ред. Д. Н. Новиков. М.: МГИМО–Университет, 2017. С. 243–248.

13. Иванова С. В. Культуроним в политическом дискурсе СМИ: инструмент гармонизации или отчуждения? // *Политическая лингвистика*. **2017**. №6(66). С. 26–33.
14. Комиссаров В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.: Высшая школа, **1990**.
15. Комиссаров В. Н. *Современное переводоведение*. Москва: Р. Валент, **2011**.
16. Коньков В. И. История в дискурсе политики // *Политическая лингвистика*. **2014**. №2(48). С. 286–289.
17. Лубский А. В. Дискурс исторический // *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь* / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, **2014**. С. 93–95.
18. Макарова Т. С. Проблема интерпретации исторического политического дискурса // *Политическая лингвистика*. **2018**. №3(69). С. 114–121.
19. Плехова О. Г. Исторический дискурс: институциональные характеристики // *Известия ВГПУ. Филологические науки*. **2016**. №2. С. 99–105.
20. Сдобников В. В. *Перевод и коммуникативная ситуация*. М.: ФЛИНТА, **2016**.
21. Сдобников В. В., Петрова О. В. *Теория перевода*. М.: АСТ, **2006**.
22. Чернявская В. Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. М.: Книжный дом «Либроком», **2009**.
23. Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. **2017**. Т. 9. №4. С. 83–93. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93.
24. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. *История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих»*. М.: ЛЕНАНД, **2014**.
25. Чудинов А. П. *Политическая коммуникация*. М.: Флинта, **2012**.
26. Швейцер А. Д. *Перевод и лингвистика*. М.: Воениздат, **1973**.
27. Bilá M., Ivanova S. V. Language, culture and ideology in discursive practices // *Russian Journal of Linguistics*. **2020**. Vol. 24. No. 2. Pp. 219–252. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252.
28. Britannica. URL: <https://www.britannica.com/>.
29. Courtney R. *Longman Dictionary of Phrasal Verbs*. Harlow: Longman, **1986**.
30. Hagège C. *L'Homme de parole. Contribution linguistique aux sciences humaines*. Paris, **1985**. 324 l.
31. Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/>.
32. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

Поступила в редакцию 01.07.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.1

Communicative and pragmatic adaptation of exotic words in historical discourse

© S. V. Ivanova

*Pushkin Leningrad State University
10 Peterburgskoye Shosse, 196605 Pushkin, Saint Petersburg, Russia.*

Email: s.ivanova@lengu.ru

The object of this research is exotisms, that is, words borrowed from a foreign culture and representing a foreign cultural sign. The subject of the research is the communicative and pragmatic adaptation of exotic lexemes in the body of texts representing the discourse of history. Communicative and pragmatic adaptation is understood as the process of introducing an exotism and commenting on it. The article examines the ways of introducing exotic words into historical discourse, as well as the functions and effects of communicative and pragmatic adaptation. Among the functions exotic lexemes perform (nominative, cognitive, expressive, aesthetic, evaluative), the evaluative function is of utmost interest as it facilitates indirect evaluation and the implementation of the general cultural modality. One of the most important effects of using exotic lexemes in historical discourse is interdiscursiveness, which manifests itself in the openness of discourse and its integration with other types of discourse (political, academic, personal). The relevance of this study is due to the appeal to discursive, linguocultural and axiological problems. The discourse perspective makes it possible to focus on the combination of discursive practices, which leads to interdiscursiveness. In linguistic and cultural terms, the study addresses the idea of the general cultural modality and the ways of its transmission. The axiological angle is carried out through the investigation of direct and indirect ways of introducing evaluation into historical discourse. In addition, this study may be of interest to translators, since it specifies functions of exotic words in their interaction with conceptual information of the text, which influences the choice of the of translation techniques. The study employs linguistic methods of cultural commentary, definitional, contextual and distributional analyses. The research material was drawn from books on the history of Russia by English-speaking authors, as well as texts accompanying cultural events.

Keywords: exotic words, discourse, discursive practice, interdiscursiveness, pragmatics, communicative and pragmatic adaptation, evaluation.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 210589).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ivanova S. V. Communicative and pragmatic adaptation of exotic words in historical discourse // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 4. Pp. 227–237.

References

1. Alekseeva I. S. *Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to translation studies]*. Saint Petersburg: Filolog. fak-t SPbGU, 2004.
2. Arutyunova N. D. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Ed. V. N. Yartseva. Moscow: Sovet-skaya entsiklopediya, 1990. Pp. 389–390.

3. Balli Sh. *Yazyk i zhizn'* [Language and life]. Moscow: Editorial URSS, 2003.
4. Vereshchagin V. G. *Yazykovo vkus epokhi* [The linguistic taste of the era]. Saint Petersburg: Zlatoust, 1999.
5. Vlahov S. I., Florin S. P. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: R. Valent, 2006.
6. Vorontsova T. I., Georginova N. Yu. *Studia Linguistica antropotsentricheskaya lingvistika: problemy i resheniya. XXI*. Saint Petersburg: Politehnika-servis, 2012. URL: https://www.herzen.spb.ru/img/files/in yaz/English-LanguageDep/Publikacii/Studiya_VoroncovaT.I.2012.pdf.
7. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob''ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic study]. Moscow: Editorial URSS, 2005.
8. Garbovskii N. K. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow: Izd-vo Mosk. gos. universiteta, 2004.
9. Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatii* [Dictionary of linguistic terms and concepts]. Izd. 6-e. Nazran': Pilgrim, 2016.
10. Zykova I. V. Rol' kontseptosfery kul'tury v formirovaniy frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov: dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2014.
11. Ivanova S. V. *Politicheskaya lingvistika*. 2017. No. 1(61). Pp. 41–52.
12. Ivanova S. V. *Magiya INNO: novye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike. Sbornik nauchnykh trudov: v 2-kh tomakh*. Ed. D. N. Novikov. Moscow: MGIMO–Universitet, 2017. Pp. 243–248.
13. Ivanova S. V. *Politicheskaya lingvistika*. 2017. No. 6(66). Pp. 26–33.
14. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaya shkola, 1990.
15. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow: R. Valent, 2011.
16. Kon'kov V. I. *Politicheskaya lingvistika*. 2014. No. 2(48). Pp. 286–289.
17. Lubskii A. V. *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar'*. Ed. A. O. Chubar'yan. Moscow: Akvilon, 2014. Pp. 93–95.
18. Makarova T. S. *Politicheskaya lingvistika*. 2018. No. 3(69). Pp. 114–121.
19. Plekhova O. G. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*. 2016. No. 2. Pp. 99–105.
20. Sdobnikov V. V. *Perevod i kommunikativnaya situatsiya* [Translation and communicative situation]. Moscow: FLINTA, 2016.
21. Sdobnikov V. V., Petrova O. V. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow: AST, 2006.
22. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the text: Polycodeness, intertextuality, interdiscursiveness]. Moscow: Knizhnyi dom «Librokom», 2009.
23. Chernyavskaya V. E. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2017. Vol. 9. No. 4. Pp. 83–93. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93.
24. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E. N. *Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskii obraz «svoikh» i «chuzhikh»* [History in the discourse of politics: the linguistic image of “friends” and “foes”]. Moscow: LENAND, 2014.
25. Chudinov A. P. *Politicheskaya kommunikatsiya* [Political communication]. Moscow: Flinta, 2012.
26. Shveitser A. D. *Perevod i lingvistika* [Translation and linguistics]. Moscow: Voenizdat, 1973.
27. Bilá M., Ivanova S. V. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. No. 2. Pp. 219–252. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252.
28. Britannica. URL: <https://www.britannica.com/>.
29. Courtney R. *Longman Dictionary of Phrasal Verbs*. Harlow: Longman, 1986.
30. Hagège C. *L'Homme de parole. Contribution linguistique aux sciences humaines*. Paris, 1985. 324 l.
31. Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/>.
32. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

Received 01.07.2021.